

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

С. П. ТОЛСТОВ. Древний Хорезм, М., 1948, 352 стр., тираж 3000 экз., цена 40 руб.

Достижения советской археологии наполнили новым и ценным содержанием историю народов нашей необъятной родины, начиная с древнейших времен палеолита и кончая эпохой феодализма. Замечательные успехи выпали на долю археологов при исследовании древних городищ и некрополей советского Востока, как в Закавказье, Грузии, Армении и Азербайджане, так и в наших среднеазиатских республиках. В особенности ценными для исторической науки являются результаты раскопок развалин мертвых городов, селений, крепостей и замков Средней Азии. Советские археологи вызвали из небытия древнюю историю последней, ибо для дореволюционной историографии, даже для такого ее крупнейшего представителя, каким был В. В. Бартольд, история Средней Азии начиналась по существу с VIII в. н. э., т. е. с времен арабского завоевания. Причина подобного усечения истории среднеазиатских народов была обусловлена гибелью письменной традиции домусульманской эпохи, уничтоженной варварской жестокостью арабских завоевателей. В данном отношении, пожалуй, больше всех пострадал Хорезм. Его величайший ученый ал-Бируни, живший на рубеже X и XI вв., сохранил нам прямое свидетельство о свирепом вандализме арабского военачальника Кутейбы, который уничтожением хранителей письменности и преданий хорезмийцев достиг полного забвения знаний об их древней истории.

Поэтому С. П. Толстов своими систематическими, из года в год продолжавшимися раскопками в области Хорезма подарил советской, а тем самым и передовой мировой науке богатый материал для восстановления уничтоженных Кутейбой летописей этой древней культурной страны. С. П. Толстов полностью использовал четкую методику ведения раскопок, созданную нашей дореволюционной археологией. Он, подобно Б. В. Фармаковскому и другим выдающимся представителям русской археологической науки, вел свои раскопки по строго предначертанному плану и не ломал его ради погонни за сенсационными открытиями.

Вместе с тем он обогатил нашу методику новыми приемами и в первую очередь широким использованием авиации. Правда, последняя стала впервые применяться для археологических работ за рубежом, но там с ее помощью пытались решать лишь отдельные частные задачи археологического и историко-географического характера. С. П. Толстов же поставил аэросъемки в теснейшую связь с археологической разведкой и наземными раскопками. Применяя аэроразведку, руководитель хорезмских археологических экспедиций мог изучить древнюю ирригационную сеть, уточнить планировку древних поселений и уяснить архитектурный облик зданий последних. Аэро-разведка оберегает исследователя от опасности оставить без внимания какой-либо памятник, и, таким образом, С. П. Толстов мог учесть при своих раскопках всю совокупность подлежащих изучению археологических объектов. Поэтому Хорезмская экспедиция могла обогащать советскую науку столь обильным и замечательным историческим материалом, вплоть до открытия в 1948 г. в грандиозном замке-дворце Топрак-кала архива, сохранившего несколько десятков документов.

Весь этот археологический материал С. П. Толстов сделал еще более ценным благодаря тому, что он не ограничился одним лишь извлечением его из недр земли,

но и восстановил на основании его в многочисленных исследованиях, завершенных монументальным трудом «Древний Хорезм», бытие древнего общества.

Самоотверженная полевая и научно-исследовательская работа высокоодаренного историка-археолога С. П. Толстова была по достоинству оценена советской научной общественностью, и ему была присуждена Сталинская премия «за многолетние историко-археологические исследования, обобщенные в научном труде «Древний Хорезм».

Изданный МГУ в 1948 г. фундаментальный труд С. П. Толстова обнимает собой 352 страницы in quarto текста и 88 прекрасно выполненных таблиц. Многочисленные четкие иллюстрации и планы раскопанных зданий, вставленные в текст, также содействуют оживлению и пояснению изложения. Это выдающееся исследование впервые в истории науки воссоздало основные вехи древней истории Хорезма и окружающих стран.

В кратком предисловии определяется основная цель, которую преследовали многолетние историко-археологические исследования С. П. Толстова в Хорезме. Таковой являлось разрешение вопросов ранней истории Средней Азии и, в первую очередь, центральной проблемы об общественном строе домусульманского периода Хорезма и соседних с ним областей. Убедившись в скудости сведений в сохранившихся письменных источниках, С. П. Толстов осознал, «что только поход за новыми, скрытыми в земле, историческими фактами, только широко поставленные и целеустремленные археологические работы могут поставить разработку дискуссионных проблем древней истории Средней Азии на прочную, не допускающую кривотолков базу» (стр. 7). Многолетние полевые работы открыли в архиве земли Хорезма эти новые факты. Будучи советским историком-археологом, С. П. Толстов не довольствуется простой регистрацией фактов, но истолковывает их на основе марксистско-ленинского метода и создает тем самым тот обобщающий труд, который подлежит в настоящий момент моему рассмотрению.

Основное содержание его распределяется между четырьмя неравномерными по своему объему главами: 1) «Стена в пустыне» (стр. 1—34), 2) «Рустаки Гавхорэ» (стр. 35—56), 3) «Башня Африга» (стр. 57—170) и 4) «Хорезмийский всадник» (стр. 171—227). В первой из глав дана краткая хронологическая классификация памятников, в дальнейшем предлагается развернутое обоснование каждого из разделов указанной классификации.

В книгу включены еще три особых экскурса, в которых привлечены письменные источники и этнографический материал. Первый из них — «Угроза Евтидема» (стр. 229—247) посвящен изложению и анализу политических событий в Средней Азии во II—I вв. до н. э. Второй экскурс — «Тирания Аброя» (стр. 248—280) способствует освещению археологического материала с помощью свидетельств всех доступных нам письменных источников по смежным районам Средней Азии. Наконец, третий экскурс — «Путь корибантов» (стр. 281—338) исследует проблему пережитков первобытно-общинного строя путем привлечения, наряду с археологическими данными и свидетельствами древних текстов, также и обильного сравнительно-этнографического материала.

Заключением труда является небольшая V глава — «Опыт исторического синтеза» (стр. 339—345), в которой подведены итоги результатов исследования истории Хорезма. В приложениях «Addenda» (стр. 346—352) нашли свое отражение результаты раскопок последнего времени, которые не могли быть помещены в текст основного исследования.

Открытия последнего времени, включая и те, которые были сделаны в 1947 г. «были детально рассмотрены в труде С. П. Толстова «По следам древнехорезмийской цивилизации», опубликованном в научно-популярной серии АН СССР в конце 1948 г. Эта талантливая книга заслуживает столь же обстоятельного обсуждения, как и труд «Древний Хорезм», изучаемый в настоящей рецензии.

Исторический, а не вещеведческий характер исследования автора вскрывается уже в названии первого раздела первой главы «Предистория великого Хорезма» (стр. 13—26). Мы находим здесь сводку всего того, что могут дать повествовательные

источники для древней истории Хорезма. Надлежит отнестись с должным вниманием к отождествлению «Хорезма» греческих и древнеперсидских источников с «Кангха» Авесты и «Кангюя» китайских хроник. Второй раздел «Земли древнего орошения и хорезмская экспедиция» (стр. 27—34) рассматривает историю археологических изысканий в Хорезме, начиная с разведочно-обследовательских работ А. Ю. Якубовского (1928—1929 гг.). Основная часть этого раздела заполнена изложением истории начавшихся в 1937 г. раскопок самого С. П. Толстова. Они год за годом раскрывали перед советской наукой все новые и новые страницы древней домусульманской истории Хорезма. В 1940 г. была закончена съемка его древней оросительной системы. За 4 года было выявлено большое количество памятников древней культуры Хорезма, начиная с III тысячелетия до XIV в. н. э. В заключение дана сжатая характеристика эпох, на которые распадается этот огромный период.

Глава вторая, посвященная в основном исторической динамике древней ирригационной сети Хорезма, расчленяется на пять разделов. Первый небольшой раздел — «К истории вопроса» (стр. 37—38) перечисляет археологические изыскания, имевшие целью восстановить историю расцвета и упадка древней оросительной системы Хорезма. Второй раздел — «Топография и стратиграфия памятников доирригационного периода» (стр. 39—42) описывает раскопанные стоянки охотников и рыболовов. Отметим наблюдение о возникновении примитивного земледелия на базе раннего собирательства диких семян, а в других районах — на основе высокоразвитого оседло-рыболовческого хозяйства. Это имело место, очевидно, в то время, когда первобытный коммунизм сменился матриархатом, — в это время люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия¹. Приложенная к стр. 46 карта со схемой исторической динамики земель древнего орошения помогает следить за изменением первобытных стоянок.

В третьем разделе — «Динамика древней ирригационной сети» (стр. 43—47) определяется датировка ирригационной системы второй четвертью I тысячелетия до н. э. Устанавливаются также три периода сокращения оросительной сети правобережного Хорезма: в III—VI вв., в VIII—IX вв. н. э., наконец, в XIII—XIV вв. Эти выводы подтверждаются изысканиями В. А. Шишкина в области нижнего Заравшана. Четвертый раздел — «Исторические предпосылки сокращения ирригационной сети Хорезма» (стр. 48—54) пытается определить общественный строй, обусловивший расцвет и последующий упадок оросительной системы. По правильному наблюдению автора, развитие ирригационной сети падает на время, когда общественный строй Хорезма может быть охарактеризован как восточный вариант античного рабовладельческого общества, который автором называется также «общинно-рабовладельческим строем». Основными специфическими чертами его в Средней Азии является наличие общины, рабства и централизованного государства. Причину же первого значительного сокращения ирригационной системы Хорезма в IV—VI вв. н. э. автор видит в распаде центральной Кушанской державы на отдельные враждующие государства. Это положение подтверждается тем, что некоторое возрождение и стабилизация оросительной сети наступают с новой победой центростремительных сил. В результате движений Абу Муслима и Муканны сеть каналов снова приходит в упадок. Мощная держава Хорезмшахов создает снова условия для возрождения и стабилизации грандиозной ирригационной сети в XII—XIII вв. Монгольское завоевание разрушило оросительную систему Средней Азии, подобно тому, как оно превратило цветущий Ирак в пустыню. В заключительном пятом разделе — «К истории повторных освоений земель древнего орошения Хорезма» (стр. 55—56) автор решает вопрос о тех мелноративных мероприятиях, с помощью которых восстанавливалась пришедшая в упадок ирригационная сеть, и здесь же он пытается определить время появления водоподъемного колеса.

Большая третья глава посвящена решению кардинальной проблемы истории типов поселений древнего Хорезма в связи с социально-экономической историей. Она распадается на четыре раздела. Первый раздел — «Время шалашей рыболовов

¹ И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 311.

(первобытный Хорезм)» (стр. 59—76), в свою очередь, расчлениается на четыре параграфа. В параграфе «Хорезмийский неолит» (стр. 59—66) избрана как основной объект исследования стоянка рыболовов и охотников (Джанбас-кала № 4), названная по имени ближайшего населенного пункта кельтеминарской эпохи. Здесь было раскопано большое общинное жилище с центральным очагом культового назначения. Очевидно, это очаг неугасимого огня, религиозный центр общины. Это факт колоссального значения: так как он свидетельствует о том, что некоторые характерные черты основного ядра маздеистской религии восходят к культам первобытного общества. Второй параграф — «Бронзовый век Хорезма» (стр. 66—68) сообщает об интереснейшем наблюдении, сделанном во время разведки 1938 г. и раскопок 1940 г. над стоянкой к северо-востоку от Анчка-калы, а именно о том, что найденная здесь керамика чрезвычайно близка керамике бронзового века Поволжья, Казахстана и Мианусицкого края. Это наблюдение говорит о близости социально-экономического строя северо-западной части Средней Азии к строю так наз. срубной (Поволжье) и андроновской (Казахстан и Сибирь) культур. В третьем параграфе — «Раннежелезный век Хорезма» (стр. 68—70) дано описание раскопанного в городище Джанбас-кала № 7 длинного общинного дома, в котором могли быть установлены очаги отдельных парных семей, выделяющихся из домовых общин. Последний, четвертый параграф — «К вопросу о протохорезмийской письменности» (стр. 71—76) ставит вопрос о датировке протохорезмийских наскальных начертаний. По мнению автора, они должны быть определены временем от III до начала I тысячелетия до н. э.

Второй раздел главы — «Время тысячи городов» (древний период истории Хорезма) состоит из четырех параграфов. Первый из них — «Городища с жилыми стенами» (стр. 77—83) изучает развалины Кюзели-кыр и Калалы-кыр на древнем канале Чермен-яб. Они датируются веками ахеменидской державы, поскольку здесь были сделаны находки стрел скифского типа, восходящего к VI—IV вв. до н. э. Эти городища поражают своими громадными размерами. Их огромная внутренняя площадь не была обжитой. Для жилья использован внутренний массив мощных стен, окружающих внутреннюю площадь. Он включал в себя два-три ряда параллельных коридорообразных жилых помещений, которые являются дальнейшим развитием «длинного дома» Джанбас-кала № 7. Оборонительная система этих городищ сравнительно совершенна, и автор вполне прав, когда характеризует их как укрепленные общинные поселения (типа пуэбло) крупных размеров. Надлежит самым положительным образом оценить тонкое наблюдение С. П. Толстова, сопоставившего «городища с жилыми стенами» с укрепленным поселением «Четырехугольной Вары», описанной в одном из текстов Авесты. Историки походов Александра также свидетельствуют об огромных размерах укрепленных поселений современной македонскому завоевателю Средней Азии. Раскопки С. П. Толстова и предложенная им интерпретация открытых памятников покончили навсегда с трактовкой буржуазной историографии общественного строя Средней Азии времени Ахеменидов, как строя феодального.

Второй параграф раздела — «Городища Кангюйского времени» (стр. 84—102) посвящен периоду от IV в. до н. э. вплоть до I в. н. э., когда Хорезм был центром большого государства. Наиболее примечательным объектом археологических изысканий является городище Джанбас-кала. Это была большая пограничная крепость для защиты населения земледельческой территории от набегов кочевников. Система обороны (бойницы в стене) требовала столь большого количества воинов, что все население, а не только мужчины, должно было участвовать в защите крепости. Во внутренней площади укрепления было установлено около 400 жилых комнат. Они входили в состав двух квадратных массивов, отделенных друг от друга широкой улицей. Каждый из них объединял в одно целое входящие в его состав жилые комнаты.

На основании тамг на кирпичных стенах крепости было установлено, что каждый из массивов был заселен особой группой тесно связанных между собой родов, отличной от группы родов противоположного массива. Автор интерпретирует это как явление, тождественное дуальной организации, делению племени на две экзогамные фратрии, или два первоначальных рода. Он приводит интересные примеры дуальной организации

в ряде средневековых городов Средней Азии и иллюстрирует дуальное деление племени обильным этнографическим материалом из других частей света. Этот факт дает основание установить важнейшее в методологическом отношении положение, что сильное государство Кангюйской эпохи с его развитой городской цивилизацией «находится в противоречивом единстве с тем косным неподвижным пьедесталом хорезмийского общества Ахеменидской и Кангюйской эпохи, который представляют собой сохранившиеся чрезвычайно архаические черты общественной организации «сельских родовых общин, обитавших за глиняными стенами больших деревень» (стр. 99—100). В городище Джанбас-кала было также найдено общинное святилище огня, где на овальном возвышении горел неугасаемый огонь. Надлежит отметить, что в этом городище было раскопано такое обилие древнехорезмийских терракотовых статуэток, изображающих людей, что автор назвал Джанбас-кала в своей книге «По следам древнехорезмийской цивилизации» чрезвычайно образно «музеем терракотовых статуэток» (стр. 165). К той же Кангюйской эпохе причисляет автор и ряд укрепленных поселений значительно меньшего размера, нежели городище Джанбас-кала. У одних из них основой планировки является круг, а у других прямоугольник.

Третий параграф — «Городища кушанского времени» (стр. 102—119) сосредоточивает свое основное внимание на комплексе трех укрепленных городищ Аяз-кала. Они датируются кушанским периодом (I—IV вв. до н. э.). В это время произошли крупные сдвиги в обществе древнего Хорезма. Из большого общинно-родового укрепленного поселения стали выделяться отдельные патриархального типа большесемейные общины, которые жили в больших домах с отдельными, хотя еще и связанными друг с другом усадьбами. Среди них выдвигалась знать, усадьбы которой господствуют над остальным поселением. Поселения возводят теперь уже не на естественных, а на искусственных песчаных холмах. Стены больших укрепленных домов-замков знатных семей были снабжены квадратными башенками. Вообще на укреплениях кушанского периода можно проследить значительное усовершенствование системы обороны. Среди находок в домах-замках заслуживают особого внимания те предметы, которые усиливают прочность цепи культурных связей между Хорезмом и Востоком Европы. Здесь был найден также предмет, который автором был с большой вероятностью интерпретирован как стиль для письма. В окрестностях Аяз-кала было обнаружено много медных кушанских монет. Монеты, найденные в домах-замках, являются прекрасным средством для хронологии. Так, дом № 1 Аяз-кала датируется медными монетами царя Канишки, вступившего на престол в 78 г. н. э.

Четвертый параграф раздела — «Кушано-афригидские памятники» (стр. 119—127) останавливается, главным образом, на большом городище Топрак-кала, которое дало столь обильные монетные находки, что С. П. Толстов назвал его очень удачно в своей книге «По следам древнехорезмийской цивилизации» «гигантским нумизматическим кабинетом» (стр. 165—166). Городище датируется периодом, лежащим между эпохой расцвета кушанской культуры и эпохой афригидской, названной С. П. Толстовым по Афригу, установившему, согласно ал-Бируни, третью и последнюю домусульманскую хорезмийскую эру. Огромная площадь городища имеет форму прямоугольника, окруженного мощными стенами. Весь северо-западный угол его занимает величественный трехбашенный замок царя. Башни замка и стен города сохранили следы нового метода архитектурного украшения — декорации прямоугольными пилястрами. К юго-востоку от замка сохранился дом огня города.

Раскопки этого позднеантичного города Хорезма блестяще подтвердили высказанную на основании письменных источников С. П. Толстовым в 1938 г. гипотезу о том, «что позднеантичный среднеазиатский город представлял собой совокупность большесемейных домовых общин, связанных с достаточно архаическим типом общественно-бытового уклада» (стр. 123). Новым моментом в городище Топрак-кала является мощный трехбашенный замок, перед которым большесемейные жилые городские комплексы кажутся ничтожными.

Умение автора сочетать свидетельства письменных источников с археологическими данными помогло ему найти для другого замка этой эпохи интересное указание у ал-

Бируни. Дошкон (жплая башня) замка Якке-парсан оказался обнесенным тремя квадратами глиняных стен, и этот факт напомнил автору рассказ ал-Бируни о постройке Афригом замка Фир близ столицы Хорезма. Согласно свидетельству великого хорезмийского ученого, замок ал-Фир был «крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича тремя стенами, одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте».

Дальнейшие разделы и главы книги посвящены уже средневековой Хорезма. Глава IV — «Хорезмийский всадник» по существу представляет уже самостоятельный экскурс, посвященный в основном проблеме историко-культурных связей древнего Хорезма с помощью такого массового археологического материала, как монеты и терракотовые статуэтки, а также путем углубленной интерпретации всех доступных письменных источников. Поэтому и IV глава распадается на три соответствующие раздела.

Первый из них — «Монеты Сиявушидов — Афригидов» (стр. 173—195) является солидным нумизматическим исследованием, в котором С. П. Толстов выявил свою способность вступить в плодотворную полемику с таким крупным специалистом в области нумизматики, каковым был покойный А. Н. Зограф. Заслуживает внимания остроумная гипотеза автора о связи появления хорезмийско-кангюйской чеканки с переходом к Хорезму прав на греко-бактрийские владения. Правители Хорезма, приняв тип и легенды монет Евкратида, последнего крупного греко-бактрийского пари, заменили вместе с тем греческих Диоскуров хорезмийским всадником, символом божественного предка династии Сиявуша. Надлежит подчеркнуть значение открытия о близкой связи между тамгами на монетах Сиявушидов — Афригидов Хорезма и тамгами античного Северного Причерноморья. Замечательна глава, посвященная дешифровке легенд хорезмийских монет. Успех дешифровки был отчасти обусловлен умелым использованием данных о системе письма домусульманского Хорезма, которые нашел автор в гениальном труде ал-Бируни «Хронология». В результате дешифровки автор предлагает чтение 10 имен, представленных на хорезмийских монетах, и возможность с большей или меньшей долей вероятности фонетического определения 19 знаков хорезмийского алфавита.

Второй раздел — «Древнехорезмийские терракоты» (стр. 196—210) изучает многочисленные терракотовые статуэтки, изображающие людей; они были раскопаны преимущественно в Джанбас-кала, которое, как мы видели выше, датируется временем от IV в. до н. э. по I в. н. э. В первую группу включены архаические статуэтки, представляющие женщин в длинных одеждах. Статуэтки восходят ко времени Ахеменидов и имеют некоторую общность со стилем монументальной скульптуры европейской Скифии. Вторая, более многочисленная, группа статуэток изображает мужчин и женщин. Она отличается большим художественным реализмом. Одежда мужчин близка одежде хорезмийцев на ахеменидских рельефах, а также одежде скифских, малоазийских и фракийских племен. Весьма любопытным является наблюдение автора о параллельном уборе некоторых статуэток, раскопанных в пределах Боспорского царства. Устанавливаемая таким образом связь Хорезма и фракийско-причерноморского мира подкрепляет положение автора об интерпретации имени массагетов как «великие геты». В третью группу входят статуэтки, изображающие пагих и одетых мужчин и женщин, на стиле которых сказалось некоторое воздействие греческого и индийского искусства. Автор находит в статуэтках из Джанбас-кала идолы богини Анахит и умирающего и воскресающего бога Сиявуша, которого он соотносит с малоазиатским божеством Сабазием. Предложенная С. П. Толстовым интерпретация статуэток из Джанбас-кала покоится на широкой и глубокой эрудиции в области письменных источников, самых разнообразных вещественных памятников и, наконец, фольклора. Надлежит полностью согласиться с утверждением автора, что искусство Хорезма сохранило свою самобытность, несмотря на наличие мощного влияния греческого, иранского и индийского искусства.

Третий раздел — «Конница Кангюя» (стр. 211—227) покоится в основном на письменных источниках. Автор пытается доказать, что оседлые массагетские племена

Хорезма создали сомкнутый строй так наз. катафрактариев, т. е. копейщиков-лучников, защищенных панцырями и сидящих на лошадях, покрытых броней. Эта конница одержала, по мнению автора, победу над Киром, а затем и над Крассом в битве при Каррах. Весьма ценным является наблюдение о связи этой военной техники древнего Хорезма с военной техникой Боспора. С. П. Толстов подчеркивает, что тот же строй массагетских катафрактариев положил конец господству греко-македонян в Средней Азии и содействовал тем самым созданию великой Кушанской державы, простиравшейся от Хорезма до Хотана и от Аральского моря до Бенареса.

Первый экскурс книги имеет заголовок «Угроза Евтидема», который уже сам по себе привлекает интерес историка. Содержание экскурса не вызовет разочарования, так как оно посвящено детальному изложению и смелым попыткам анализа драматических событий эллинистического периода истории Средней Азии. В первом из шести разделов, на которые распадается экскурс, — «Греческая колонизация Средней Азии» (стр. 231—232) автор правильно противопоставляет политику Селевкидов политике Птолемея. Действительно, первые в противоположность последним основывали многочисленные греческие колонии во всех частях своей громадной державы: и на западе, в Сирии, и на далеком востоке, в Средней Азии. Тем самым в форме этих колоний они создавали сравнительно надежную опору центральной власти в своем разноплеменном государстве.

Во втором разделе — «Возникновение Греко-бактрийского и Парфянского царств» (стр. 232—236) автор попытался разобраться в темной и сложной истории указанных событий, которая в дошедших до нас источниках изложена весьма противоречиво. Нельзя сказать, чтобы С. П. Толстов справился со своей задачей во всем ее объеме вполне удовлетворительно. Одна из ошибок, которая была допущена им при решении данного вопроса, было смешение двух царей династии Селевкидов — Антиоха Теоса и Антиоха Гиерака (стр. 233).

В третьем разделе — «Евтидем из Магнесии и Антиох III» (стр. 236—237) правильно изложены те условия, которые привели к миру между Евтидемом и Антиохом III (223 г. — 187 г. до н. э.).¹ Однако нельзя согласиться с хронологическим определением момента захвата престола Евтидемом. Я лично не думаю, чтобы это событие было связано с походом Селевка II Каллиника. В четвертом разделе — «Пушьямитра, Яваны и наследники Маурья» (стр. 237—238) дана история конца династии Маурья в связи с брахманской реакцией. Убедительно представлены причины, побудившие Деметрия, сына Евтидема, к вторжению в Индию. Вполне закономерно автор сомневается в предположении Тарна, что Менандр (Милинда) был современником Деметрия. Он правильно подчеркивает пробудившуюся политику греко-индийских царей.

В пятом разделе экскурса — «Евкратид и Гелиокл» (стр. 238—241) речь идет о некоторых эпизодах процесса разрушения Греко-бактрийского царства. Обоснованно излагаются события, связанные с узурпацией Евкратидом. Надлежит лишь исправить ссылку на источник и заменить указание на XII, 5 Ю с т и а указанием на XVI, 6. Решительно опровергается аргументация Тарна в пользу того, что Евкратид являлся селевкидским генералом, находившимся в родстве с царским домом Селевкидов. Катастрофическое ослабление Греко-бактрийского царства на западе было обусловлено, как правильно подчеркивает автор, враждебностью бактрийского и согдийского населения. О гибели Греко-бактрийского царства говорит автор в последнем, шестом, разделе экскурса — «Митридат I, Массагеты — Юечжи и падение Греко-бактрийского царства» (стр. 241—247). Здесь дается яркий очерк славного царствования великого парфянского царя Митридата I (174—136 гг. до н. э.), одержавшего решительную победу над селевкидо-бактрийской коалицией. Автор с полным основанием указывает на события в Монголии и Китайском Туркестане как на условия, облегчившие победу Митридата I. В связи с изложением этих событий он пытается решить на основании китайской хроник Сима-цяня сложный вопрос об имени «Больших Юечжи», которые, будучи отброшенными на запад, завоевали Да (Бактрию). С помощью лингвистической, археологической и исторической аргументации автор старается доказать, что «Большие Юечжи» китайских летописей тождественны с массагетами греческих историков.

С этим связано положение о том, что Греко-бактрійская держава пала в результате многовековой борьбы свободолюбивых народов Средней Азии против греко-македонских поработителей.

Экскурс второй — «Тирания Абура» является, согласно подзаголовку, эпизодом из «истории классовой борьбы в Согдиане и тюркском каганате во второй половине VI в. н. э.». Он связан уже с историей раннего средневековья.

Экскурс третий — «Путь корибантов» имеет подзаголовок: «Архаические элементы в общественном строе дофеодальной Средней Азии». В предисловии к нему (стр. 281—282) автор подчеркивает роль, которую играли, согласно указаниям основоположников марксизма-ленинизма, пережитки первобытно-общинного строя в истории всех рабовладельческих обществ и особенно восточных. Он до конца прав, когда бросает упрек советским историкам древнего мира в том, что они не идут дальше по пути, указанному Марксом и Энгельсом, и поэтому столь мало интересуются новейшими этнографическими открытиями и даже не осваивают уже давно известный этнографический материал, который дал возможность Энгельсу решить ряд исторических проблем, неразрешимых для буржуазной историографии.

Первый раздел экскурсии — «Кави и Карапань» — изучает пережитки дуально-родовой организации и первобытных гайных союзов в древней и раннесредневековой Средней Азии. Он распадается на семь параграфов. Первый из них — «Ферганский науруз» (стр. 282—285) содержит ценный материал о пережитках дуальной организации у оседлого населения среднеазиатских оазисов. Этот материал дан в сообщениях китайских хроник об обрядах празднования нового года в Фергане, в рассказах арабских историков о ритуале древних праздников и, наконец, в планировке городов средневековой Средней Азии. Во втором параграфе раздела — «Агура-Мазда и Ангро-Майнью» (стр. 286—289) автор подчеркивает, что зороастризм генетически связан теснейшим образом со Средней Азией и что здесь был древнейший центр его оформления. Вместе с тем С. П. Толстов вполне правильно указывает на родство авестийского дуализма, этой основы основ зороастризма, с архаическими верованиями первобытных народов. Он возник на почве универсального института первобытного общества — дуальной организации рода, дуализма фратрий, породившей первобытный космогонический дуализм и первобытную мифологическую концепцию о двух братьях-врагах. Все же автор слишком настойчиво подчеркивает свое положение об исключительно тесной связи зороастрийского мировоззрения с древней анимистической ступенью развития первобытной идеологии. Дуализму фратрий посвящен и третий параграф — «Ажи-дахака и Трэаона» (стр. 292—303). Здесь автор останавливается на том обстоятельстве, что две территориально разделенные фратрии, на которые распалось первобытное общество, были связаны между собой перекрестным браком. Путем анализа фольклорного материала в лице Ажи-дахака (чудовищного змея), с одной стороны, и восточноиранского эпоса он устанавливает за которого отомстил потомок последнего Трэаона, с другой стороны, ту же традицию о дуализме фратрий, сочетающуюся с мотивом о родственной связи враждебных героев. С. П. Толстов подкрепляет свое положение на громадном фольклорном материале, подобранном преимущественно русскими и советскими исследователями.

В четвертом параграфе — «Змей и конь» (стр. 303—307) автор вскрывает под раннедуалистическим мифом Агура-Мазды и Ангро-Майнью до-анимистический тотемно-о змее и быке в персонажи мифа о коне и быке. Пятый параграф — «Кави и Карапань» (стр. 307—314) посвящен анализу авестийских названий врагов зороастрийской религии — «кави» и «карапанов». С. П. Толстов видит в них жреческие корпорации тотема земноморском мире в виде митраистов и корибантов, которые имели свои соответствия и в средне-раскрываются в форме первобытных объединений, известных в литературе под названием тайных союзов. Последние становятся предметом изучения в шестом параграфе — «Атеш-кеде» (стр. 314—317). Автор указывает на генетическую связь мужских домов в домусульманской Средней Азии («атеш-кеде») с таджикскими «алау-хана» и их де-

риватами. Они являлись широко распространенным бытовым явлением, и в них, полагает автор, надлежит искать корни тайных мужских союзов Средней Азии.

В седьмом и последнем параграфе — «Кави, Каяниды и дари-жрецы домусульманской Средней Азии» (стр. 317—320) предлагается решение одного из самых трудных вопросов, которые включены в проблематику Авесты. Это вопрос о противоречивом отношении Авесты к лицам, называемым «кави». С одной стороны, так назывались враги Заратуштры, с другой стороны, это имя династии правителей, представитель которой Вишпаспа выступил защитником пророка Агура-Мазда. Автор пытается подойти к решению вопроса путем установления в имени «кави» двойственного значения. Он различает «кави» как организацию жрецов быка и «кави» как титул главы корпорации жрецов быка, обладающего, кроме того, политической властью в качестве царя-жреца. Он был враждебен к тем «кави», которые объединились с «карананами». «Кави» — царь-жрец, победивший «карананов» и тех «кави», которые вступили в союз с последними, — становится, как полагает автор, правителем архаического рабовладельческого общества. Как царь он всеми средствами насилия держал в подчинении рабов и покоренных иноземцев, а как жрец он поддерживал власть по отношению к свободным соплеменникам. Такова интерпретация социального значения зороастризма, предложенная автором. Можно, конечно, представить и иную интерпретацию.

Второй раздел — «Скверна Муканны» имеет подзаголовок «Пережитки группового брака и матриархата в древней и раннесредневековой Средней Азии». Он распадается на пять параграфов, из которых первый — «Текст Нершахи» (стр. 320—321) приводит данные бухарского историка Нершахи о правах и обычаях последователей Муканны, поднявшего восстание против арабов во второй половине VIII в. н. э. Наиболее существенным моментом является свидетельство о существовании группового брака в среде согдийского крестьянства, а также о наличии в каждом селении жреца, называемого «суканой» и выступавшего со специфическими половыми функциями. Во втором параграфе — «Массагетский обычай» (стр. 321—323) автор приводит многочисленные примеры группового брака, засвидетельствованные античными и средневековыми писателями у народов Средней Азии и сопредельных с нею стран. В третьем параграфе — «Сукана и энарел» (стр. 323—325) автор находит параллели для «суканы» — «двуполого жреца» не только в современной этнографии, но и в тесно связанной со Средней Азией Скифии в лице «энарея» Геродота, «женоподобных мужчин», которым искусство гадания даровано Афродитой. Пережитки оргиастического двуполового культа автор находит в Средней Азии еще в недавнем прошлом. Наличие же института «суканы» в согдийских селениях раннего средневековья свидетельствует, по мнению автора, о живучести пережитков матриархата.

О том же свидетельствует содержание четвертого параграфа — «Yavanâniš» (стр. 325—331). Этим названием обозначались в северной Индии в кушанскую и послекушанскую эпоху женские телохранители царей. Подобное название «yavanâniš», т. е. «гречанки», дает основание автору предположить, что девушки-бойцы были введены в войско индо-греческими царями II и I вв. до н. э., так как институт женских телохранительниц царя имеет в Средней Азии глубокие местные корни. По его мнению, факт перенесения греко-бактрийскими царями из Средней Азии в Индию института телохранителей-амазонок свидетельствует о мощных пластах матриархата и гинекократических учреждений как в среде кочевников, так и в среде оседлого населения Средней Азии. Свое положение автор подкрепляет обильными данными фольклорного и этнографического материала, а также письменной традицией. С. П. Толстов полагает, что в Средней Азии до ислама патриархально-семейный уклад знати, слагавшийся в условиях примитивно-рабовладельческого общества, должен был сочетаться с материнско-родовыми нормами наследования.

Содержание пятого и последнего параграфа раздела — «Маздак, Муканна, карматы» (стр. 331—338) раскрывается его подзаголовком: «Роль пережитков первобытно-общинных и раннерабовладельческих отношений в общественных движениях V—VI веков». Автор подводит здесь итог результатам своего анализа общественных организаций домусульманской Средней Азии. Он подчеркивает, что сосуществующая

с рабовладельческими отношениями общинно-родовая организация сохранилась до II—III вв. н. э. Тогда разложение рабовладельческих отношений приводит к распаду общинных поселений на большесемейные домовые общины патриархального типа, среди которых выделяются дома-замки знати. Данные специфические особенности общественного строя древней и раннесредневековой Средней Азии воздействовали на народные движения раннего средневековья — движения Маздака, Муканны и карматов.

В заключительной, пятой, главе — «Опыт исторического синтеза» (стр. 339—345) С. П. Толстов подвел итог результатам своего большого исследования, которое на основании конкретного археологического, этнографического, лингвистического и исторического материала воскресило, казалось бы, навеки забытое прошлое древнего Хорезма и способствовало разрешению многих спорных вопросов древней истории Средней Азии.

Обзор всего многообразного содержания труда С. П. Толстова стремился выявить все значение этой книги для древней истории Хорезма, а также и Средней Азии в целом. Подобный обзор считаю необходимым, так как содержание исследования автора является для читателя крайне неудобнообозримым вследствие предельной насыщенности его оригинальными наблюдениями и выводами, отнюдь не лежащими на поверхности приводимого материала. Указывая на неудобнообозримое содержание «Древнего Хорезма», я тем не менее должен подчеркнуть, что книга написана прекрасным литературным языком. С. П. Толстов часто находит для того или другого объекта своего изложения незабываемо яркие образы. Автор сумел также выбрать чрезвычайно удачно эпиграфы для каждой главы и каждого раздела своего труда, используя для этой цели литературные памятники, начиная с эпохи древности и кончая В. Маяковским. Печать подлинного литературного таланта лежит на всех работах С. П. Толстова, как предшествующих его «Древнему Хорезму», так и на последней его книге «По следам древнехорезмийской цивилизации».

Труд С. П. Толстова свидетельствует не только о крупном литературном таланте автора, но и о горячей любви к своей родине, к советскому народу и его культуре. В его исследовании выявляется, сколь высок был уровень культуры древнего Хорезма и смежных областей Средней Азии, остававшейся самобытной, несмотря на влияние иранской, античной, китайской и индийской цивилизаций. Автор подчеркивает громадное значение достижений великих хорезмийских и среднеазиатских ученых средневековья и, в первую очередь, гениального хорезмийца ал-Бируни. Неоднократно отмечается сила хорезмийского искусства, сохранившего свою самобытность перед искусством Ирана, Греции и Индии. Заслуживает внимания тщательность, с которой автор отмечает действительность культур народов, некогда населявших территорию СССР, и их взаимосвязь уже в эпоху древности. В наши дни, когда борьба с преклонением перед иностранщиной в советской науке стала столь актуальной, приобретает значение указание С. П. Толстова на то, что советские исследователи напрасно пользуются западноевропейской транскрипцией китайских слов и пренебрегают русской транскрипцией, которая, по меньшей мере, ничем не уступает латинской (стр. 179).

Патриотизм автора находит свое определенное выражение также в той любовной бережности, с которой отмечаются достижения нашей русской и советской науки. Радостно регистрирует автор каждый творческий успех советского ученого. Поэтому во всей полноте выявлена помощь всех его сотрудников и заслуга перед советской наукой его товарищей: А. Н. Бернштама, Е. М. Массона, А. Ю. Якубовского и др. в деле изучения истории Средней Азии.

Не выпали из круга зрения автора и исследования зарубежных ученых, по он использовал результаты их работы, как, например, книгу английского историка Гарна «Греки в Бактрии и Индии», с должной марксистско-ленинской критикой. С. П. Толстов мог применить последнюю в достаточной степени действительно, так как он является исследователем в подлинном смысле слова. Ни на один из привлекаемых источников он не смотрит чужими глазами, ибо все разноязычные тексты, на которых покоится его аргументация, были им самостоятельно интерпретированы, даже орхонская надпись (стр. 267), или китайский текст (стр. 250).

С. П. Толстов в совершенстве умеет создавать свое историческое построение на основе анализа всех доступных ему весьма разнородных источников. Его мастерство во всестороннем использовании основного археологического материала, начиная с развалин громадного замка и кончая черепком сосуда, было показано с достаточной убедительностью при изложении содержания рецензируемого труда. Здесь надлежит лишь указать, что автор умеет себя проявлять не только в качестве археолога, но и в качестве историка искусства, как, например, при анализе изображений на трех оттисках больших печатей, найденных при раскопках Ташик-кала (стр. 142). Прекрасное знакомство со столь мало исследованной областью археологической науки, как изучение тамг, дало С. П. Толстому возможность установить близость боспорских и хорезмийских родовых знаков (стр. 185). Он умело использует свое знание разнообразных древних систем письма Европы, Малой Азии, Передней Азии и Индии (стр. 71—76). Он неоднократно проявляет себя опытным нумизматом (например, на стр. 143). Нумизматика вводит нас уже в область письменных источников, которые столь же усердно, как и археологические памятники, привлекаются для истории Хорезма (например, на стр. 16 сл.). Заслуживает особенного одобрения то искусство, с которым интерпретируются археологические памятники данными письменных источников (на стр. 53, 81, 151 и т. д.). Эти данные С. П. Толстов находит в источниках греческих (стр. 308 сл.), ассирийских (стр. 225—226), в таком трудном для понимания памятнике, как Авеста (стр. 81), в китайских летописях (стр. 179), в трудах историков, как Геродот (стр. 43 сл.), ал-Бируни (например, стр. 152 сл.), Якут (стр. 46) и т. д.

Чрезвычайно большими познаниями располагает автор в области лингвистики, что выразилось, например, в его суждениях об угорско-дравидских связях (стр. 65 и 350). Эти познания дали С. П. Толстому возможность с успехом применять методику нового учения о языке для исторического исследования. Так, путем использования палеонтологического анализа он интерпретировал этнографические термины, как, например, тюркское племенное имя «йомудов» (стр. 221 сл.), раскрыл смысл названия «карапанов» (стр. 308) или близкого ему названия «карматов» (стр. 336). Наравне с лингвистическим автор использует обильный этнографический материал (на стр. 62—63, 152, 310—313 и т. д.). Методическая четкость С. П. Толстова столь велика, что ему удается исправить суждение даже такого точного в построении фактов исследователя, как В. В. Бартольд, в вопросе о локализации канала Гавхоре.

Весьма положительной оценки достоин рецензируемый труд и в методологическом отношении. Я уже выше (стр. 139) указывал на наблюдение о возникновении примитивного земледелия на базе раннего собирательства. Надлежит всячески одобрить определение восточного варианта рабовладельческого общества, как «общинно-рабовладельческого строя» (стр. 48). Тем самым раскрывается единство противоположностей: с одной стороны, расцвет жизни города и развитие здесь классового общества, а с другой стороны, существование сельских родовых общин с их архаическими чертами (стр. 99—100). Отвращаясь на марксистско-ленинское учение о формациях, автор опровергает концепцию о развитии феодализма в VII—VIII вв. и о разложении его в X в. (стр. 150—151). Вполне закономерно С. П. Толстов подкрепляет свое определение восточного рабовладельческого общества как «общинно-рабовладельческого строя» указанием на характеристику индийских сельских общин, которая дается Марксом; общины эти, как говорит С. П. Толстов, «были осквернены кастовыми различиями и рабством» (стр. 337). Всем историкам Востока надлежит учесть предложенное С. П. Толстовым объяснение того факта, что Ближний и Средний Восток не знал крепостнической зависимости, которую знал Запад (стр. 338).

Исходя из вышеприведенного определения восточного рабовладельческого общества, автор выявляет позднеантичный Хорезм в облике его археологических памятников как типичное древневосточное общество с противоречивым сочетанием развитой городской жизни государства, возглавляемого могущественной рабовладельческой аристократией, и устойчивого и косного общинного уклада, связанного с разнообразными и прочными традициями родового строя (стр. 124). Когда же с падением Кушанского государства начинает разрушаться общинный быт, город начинает отступать

перед замком правителя (замок Аффрига), а общинное поселение распадается на укрепленные усадьбы, свидетельствующие о жестокой гражданской войне и набегах кочевников (стр. 152—153). Подчеркивая специфику восточного рабовладельческого строя, С. П. Толстов указывает и на некоторые общие черты между обществами Востока и Запада в рабовладельческую эпоху. Так, он подчеркивает, что в условиях рабовладельческого общества и в Сумере, и в Греции, и в Италии в городских общинах складывалась тактика сомкнутого строя копейщиков-щитоносцев (стр. 224). Четкость методологической установки дает возможность автору внести некоторую ясность в вопрос о кризисе рабовладельческого общества в Китае.

Я перехожу теперь ко второй, весьма небольшой по объему, части моей рецензии, отмечающей немногие недостатки в прекрасном исследовании С. П. Толстова.

Я начну с самых мелких, с тех досадных опечаток, которые могут вызвать недоумение читателя. Таковыми я считаю опечатку на стр. 261б, прим. 1: «Stänkewesen» вместо «Ständewesen», или опечатку на стр. 287а, прим. 5: «Der Mythes heiden Gebräern» вместо «Der Mythos bei den Hebräern», или опечатку на стр. 350б: «Sranistik» вместо «Iranistik».

Один раз мне пришлось отметить некоторую небольшую неточность в переводе древнего текста, а именно на стр. 231 в эпиграфе, взятом из П о л и б и я, XI, 34. Автор придерживается по отношению к хронологии древневосточной истории Средиземноморья еще старых датировок; так, например, на стр. 113 он определяет время правления Гудеа, властителя Лагаша, XXV в. до н. э., а не XXII в.

Издвка мы встречаем в изложении автора противоречия. Так, на стр. 51 он polemизирует с тенденцией «рассматривать XVI—XIX вв. в истории Средней Азии как время хозяйственного и культурного упадка». По его мнению, «эта точка зрения совершенно неверна», и он настаивает на том, что «с точки зрения внутреннего развития период XVI—XIX вв. был, безусловно, прогрессивным». На стр. же 52 мы находим утверждение, что «середина XVIII века — время глубокого социально-политического кризиса, когда, по словам Муниса, «деревни и пашни обратились в заросли, озера — в камышewые болота, дикие звери заменили людей; в столице оставалось не более 40 семейств, по некоторым известиям не было 15; пятничный намаз совершался в присутствии 3—4 человек». Как известно, этот кризис переживают одновременно и другие области Средней Азии. Столь сильный экономический упадок Средней Азии с XVIII в., описанный автором на стр. 52, следовало как-то отметить и в тексте стр. 51, в котором безоговорочно весь период XVI—XIX вв. объявляется «безусловно прогрессивным». Поскольку автор этого не сделал, ему даже может угрожать обвинение в идеализации времени позднего феодализма Средней Азии.

Внутреннее противоречие в изложении автора имеется и на стр. 90 и 91 в описании оборонной системы городища Джанбас-кала. На стр. 90 отмечается, что «для флангового поражения наступающего противника использована система косых бойниц, которые располагаются через 20—25 обыкновенных бойниц, группами по три бойницы — одна прямая в середине и две косые, обращенные в стороны, по бокам». Затем автор подчеркивает, что «ворота защищены сложными сооружениями в виде прямоугольного выступа стены (выступание по сравнению с основной стеной — 20 м, длина — 52 м)». В заключение обстоятельного описания сложного сооружения, защищающего ворота, автор указывает, что «эта своеобразная система обороны ворот, своего рода «предвратный лабиринт», была, повидимому, весьма эффективной». Тем не менее на стр. 91, возвращаясь к характеристике защитных сооружений Джанбас-кала, он замечает, что «система обороны имеет чрезвычайно примитивный характер». Подобная характеристика стоит в противоречии со всем тем, что было выше сказано об оборонительных сооружениях городища Джанбас-кала.

Некоторое противоречие имеется и в решении вопроса об этнической принадлежности эфталитов. По мнению автора, «язык их был весьма близок к тюркским { и вернее всего может быть отнесен к той группе палеотюркских языков, средневековыми представителями которой были болгарский и хазарский, а современным — чувашский язык» (стр. 276—277). Если автор правильно относит язык эфталитов к группе палеотюр-

ских языков, то становится мало вероятным высказанное им же непосредственно затем предположение, что эфталиты являлись ответвлением массагетов-юечки. Во всяком случае, я не думаю, чтобы язык тюркизируемых массагетов-юечки, т. е. прано-фраккийцев, можно было бы включить в группу палеотюркских языков.

Не всегда аргументация автора бывает исчерпывающей. Так, доказывая тождество «Больших юечки» с массагетами, он не в достаточной степени учитывает доводы В. В. Бартольда в пользу тибетского происхождения юечки: «Вопрос о происхождении юечки остается спорным; место их первоначального жительства и титулы некоторых князей говорят в пользу тибетского происхождения этого народа»¹. Иной раз автор прибегает к слишком смелым, на мой взгляд, гипотезам. Так, он (стр. 246) всерьез допускает возможность того, что «агенты Евтидема вступили в отношения с молодым гуннским вождем (т. е. царевичем Модэ), находившимся в качестве заложника у соседей и врагов Бактрии, массагетов-юечки, для того чтобы получить себе ценного союзника, способного ударить массагетам в тыл, когда греки начнут свое наступление против них». Я лично не могу себе представить, чтобы реальный политик, каковым, очевидно, был Евтидем, мог бы перед лицом нависшей над его государством опасности вторжения орд кочевников обратиться за помощью к столь нереальному союзнику, каковым являлся гуннский царевич, пребывавший заложником у кочевых племен далекого Востока.

Уже выше (стр. 143) было указано, что автор не вполне удовлетворительно справился с изложением событий, связанных с образованием Парфянской державы и Бактрийского царства. Действительно, обзор политических событий этой эпохи не принадлежит к числу удачных разделов труда С. П. Толстова. Один из недостатков его анализа я вижу еще в том обстоятельстве, что он совсем не учитывает политику Птолемея III, проникшего далеко на восток Селевкидской державы.

Вызывает некоторые сомнения и трактовка зороастризма (стр. 94 и 286 сл.). Автор снижает значение идеологии зороастризма как религиозной системы, созданной в среде народов Средней Азии и оказавшей свое мощное воздействие на Иран. Действительно, он с большой настойчивостью и упорством подчеркивает родство самого авестийского дуализма — этой основы основ зороастризма — с весьма архаическими [верованиями первобытных народов всех частей света. Подобная установка автора, несомненно, умаляет это крупнейшее достижение народов Средней Азии, которые в зороастризме создали идеологию, содействовавшую расцвету развитого земледелия. Ведь, согласно Б. А. Тураеву, «земледелие для последователя Авесты и для песнопевца Гат не только почтенное занятие — это почти добродетель, без которой следование «учению» не вменяется в заслугу». С. П. Толстов не объясняет нам также действительности зороастризма. Остается непонятным, почему же зороастризм Средней Азии, порожденный условиями, универсальными для всех архаических верований, мог перерасти в идеологическую систему, оказавшую столь героическое сопротивление победоносному наступлению ислама. Не согласен я также с тем положением (стр. 318), что «зороастрийский маздеизм — это религия уже не первобытнообщинного, а архаического рабовладельческого строя». Положение автора не слишком отличается от характеристики, которую давал Ницше зороастризму как религии, проповедующей «этику господ», державших в полном подчинении народные массы, согласно требованию Феогнида, любимого поэта того же Ницше:

Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей ее медным бойцом, шею пригни под ярмо!
Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ.

¹ Примечание к стр. 252 III тома русского издания «Истории человечества» Гельмгольта.

Я лично полагаю, что зороастризм в первоначальной своей форме являлся идеологией, зародившейся в среде племенной демократии, в борьбе против усиливающегося господства рабовладельческой знати¹.

Вопрос о социальном значении идеологии зороастризма вводит нас уже в область методологии. Здесь у меня возникают сомнения в закономерности определения автором зачатков феодализма. Дело в том, что, согласно С. П. Толстову, «постепенное расслоение рядовых общинников создавало прослойку «бедняков и нищих» (нершахи), легко попадавших в положение «слуг и кедиверов» аристократии, повидному, через отношения кабалы, вуалировавшиеся переживающими из родового строя формами адаптации бедняка в члены аристократического «кеда»..., в чем можно видеть лишь первые зачатки феодальных отношений, не ставших еще господствующими» (стр. 151). Я полагаю, что предложенную автором формулировку надлежит несколько изменить, так как признаком феодализации не является потеря непосредственным производителем средств производства, а, наоборот, прикрепление его к последним.

Другой в методологическом отношении уязвимый момент — это постановка автором вопроса «о том, насколько патриархальный род является вообще обязательным в качестве длительно существующей последней стадии родового строя? Не является ли переход к классовому обществу непосредственно со ступени материнского рода вообще более типичной и закономерной формой процесса разрушения первобытно-общинного строя? Не является ли вообще патриархальный род формой, в которой последнюю стадию родового строя проходят варварские народы близкой и удаленной периферии больших античных и восточных цивилизаций, соседство и экономические и культурные взаимоотношения с которыми, форсировав техническое и отчасти экономическое развитие этих народов, все же не создали предпосылок для перехода на ступень классового общества?» (стр. 329).

Постановка автором этого вопроса о закономерности перехода первобытно-общинного строя к классовому обществу непосредственно из матриархата не может не вызвать сильнейшего недоумения. Тем самым ведь исключается патриархат как типичная завершающая стадия доклассового общества, а это со всей определенностью противоречит установке И. В. Сталина в его исследовании «Анархизм или социализм?» Здесь мы находим следующее перечисление стадий развития доклассового общества: «Было время, когда люди жили на первобытно-коммунистических началах; в то время они поддерживали свое существование первобытной охотой, они бродили по лесам и так добывали себе пищу. Наступило время, когда первобытный коммунизм сменился матриархатом, — в это время люди удовлетворяли свои потребности преимущественно посредством первобытного земледелия. Затем матриархат сменился патриархатом, когда люди поддерживали свое существование преимущественно скотоводством. Затем патриархат сменился рабовладельческим строем, — тогда люди поддерживали свое существование сравнительно более развитым земледелием»². Поскольку товарищ Сталин здесь разъясняет сущность диалектического метода Маркса и Энгельса, то им, конечно, учтены в вопросе о периодизации и установки Энгельса. Поэтому попытка вышеприведенного вопроса, вряд ли может рассчитывать на какой-либо успех.

Если С. П. Толстов, давший в своем труде столь много ценных методологических наблюдений и указаний, мог все же поставить вопрос, вряд ли оправдываемый с точки зрения теории марксизма-ленинизма, то это обусловлено было, я полагаю, той же его ошибкой, которую отметил и А. Ю. Якубовский в своей весьма поучительной рецензии на «Древний Хорезм»³. Автор рецензии указывает на то, что С. П. Толстов

¹ См. В. В. Струве, Восстание в Маргиане при Дарии I, ВДИ, 1949, № 2.

² И. В. Сталин, Соч., т. I, стр. 311. Данное исследование товарища Сталина, к сожалению, слишком мало учитывается советскими исследователями. Так, например, М. О. Косвен в своей очень полезной книге «Матриархат», опубликованной в 1948 г., совсем не обратил внимания на высказывание товарища Сталина о матриархате.

³ «Культура и жизнь» от 30 ноября 1948 г., № 34(89), стр. 4.

«настолько увлечен Хорезмом, его прошлым и особенно его исторической ролью, что нередко впадает в преувеличения». Поэтому С. П. Толстов готов, полагаю я, увидеть в наблюдениях, сделанных над открытым им хорезмийским материалом, уже некоторые закономерности, т. е. впадает иной раз в ту погрешность, в которой становятся повинными многие пионеры в области науки.

Я пришел к концу моих критических замечаний. Они являются весьма незначительными по сравнению с отмеченными выше громадными достоинствами. Труд С. П. Толстова подарил советской науке неведомую до этого древнюю историю общества Хорезма с его яркой и самобытной культурой. Он привлекает для обоснования своих положений археологический материал из других областей Средней Азии, свидетельствуя тем самым о многолетней, упорной работе великой армии советских археологов, которые героически борются со всеразрушающим временем и снова даруют жизнь и бытие древним обществам нашей родины, вырывая их из мира забвения. Таким образом, высокоталантливый труд лауреата Сталинской премии Сергея Павловича Толстова вселяет уверенность, что и другие представители советской археологической науки, как Е. М. Массон, раскапывающий столицу великой Парфянской державы, А. Ю. Якубовский, изучающий дофеодалный город Согда, погибший в мрачные дни арабского завоевания, а также и другие исследователи, завершат так же успешно, как и С. П. Толстов, свой славный труд, столь ценный в глазах всей нашей советской общности.

Акад. В. В. Струве.

В. Ф. ГАЙДУКЕВИЧ. Боспорское царство. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, 622 стр. и 6 табл., цена 30 руб., тираж 5000 экз.

I

Рецензируемая работа состоит из краткого введения, в котором автор останавливается на значении избранной им темы, и двенадцати глав. В первой главе говорится о связях восточного Средиземноморья с Причерноморьем во II тысячелетии до н. э., о греческой колонизации северных берегов Черного моря, а также о колонизационной деятельности Милета. Вторая глава повествует об образовании Боспорского государства, причем в ней автор останавливается на вопросах о времени возникновения боспорских городов, а равно и о наличии на местах этих городов до-эллинических поселений. Небольшая третья глава посвящена истории Боспора во времена правления Археанактидов. В четвертой главе автор подробно освещает историю Боспора в эпоху Спартокидов; В. Ф. Гайдукевич останавливается на вопросе о происхождении Спартокидов, расширении границ Боспорского государства, характере власти Спартокидов, экономических связях Боспора с Афинами в IV в. до н. э. и несколько более кратко освещает историю Боспора в III—II вв. до н. э. В небольшой пятой главе говорится о торговых связях Боспора в эпоху Спартокидов. Значительно более обширная шестая глава носит наименование «Сельское хозяйство, промышленность и художественные ремесла Боспора». В ней автор подробно говорит о боспорском хлебопашестве, виноградарстве, скотоводстве, рыбном промысле, ткачестве, обработке металлов, особенно торевтике, керамике, каменотесном и строительном деле, а также о социальном положении производителей на Боспоре.

Самая большая из всех глав — седьмая представляет подробное описание Пантикапея, других городов европейского и азиатского Боспора, Феодосии, городищ Прикубанья и Тананса. Дополнением к седьмой главе является восьмая, где говорится о боспорских некрополях: погребальных обрядах, инвентаре и надгробных сооружениях